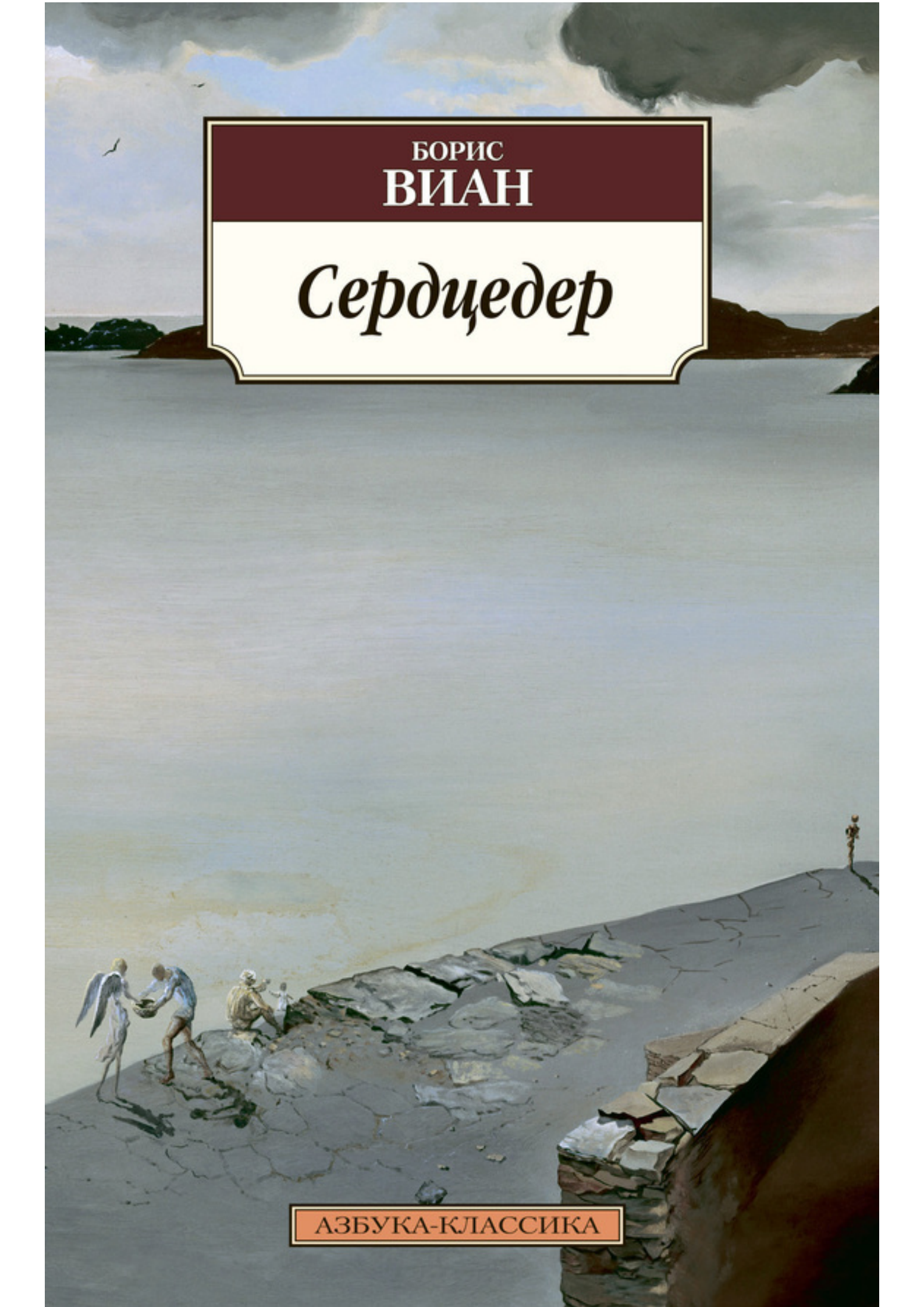

The background of the book cover is a painting of a vast, calm sea under a cloudy sky. In the foreground, a stone pier or breakwater extends from the bottom right towards the center. On the pier, there are several small figures: an angel with large white wings on the left, a man in a blue tunic next to him, and a group of three people further along. The sky is filled with soft, grey clouds, and a few birds are visible in the distance.

БОРИС
ВИАН

Сердцедер

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Борис Виан

Сердцедер

«Азбука-Аттикус»

1953

Виан Б.

Сердцедер / Б. Виан — «Азбука-Аттикус», 1953 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-07586-3

Исчезнувший в 39 лет Борис Виан успел побывать инженером, изобретателем, музыкантом, критиком, поэтом, романистом, драматургом, сценаристом, переводчиком, журналистом, чтецом и исполнителем собственных песен... Время отводило на все считанные секунды. Роман «Сердцедер» (1953) был задуман Вианом еще в 1947 году, он относится к основной части творческого наследия писателя. Сегодня его творчество органично входит в общий кон текст XX века. Влияние оспаривается, наследие изучается, книги переиздаются и переводятся. Пустое место между Жаком Превером и Аленом Роб-Грийе заполняется. Виан признан классиком интеллектуального китча, ярким представителем послевоенного французского авангарда.

ISBN 978-5-389-07586-3

© Виан Б., 1953

© Азбука-Аттикус, 1953

Содержание

Часть первая	6
I	6
II	8
III	9
IV	11
V	12
VI	13
VII	14
VIII	15
IX	16
X	19
XI	20
XII	23
XIII	25
XIV	27
XV	28
XVI	31
XVII	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Борис Виан

Сердцедер

«L'ARRACHE-COEUR» de Boris VIAN

© Société Nouvelle des Editions Pauvert 1962

© Librairie Arthème Fayard 2000

pour l'édition en Œuvres complètes

© В. Кислов, перевод, 1998

© В. Пожидаев, оформление серии, 2012

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть первая

I

28 августа

Тропа тянулась вдоль обрыва. По ее краям росли окалины в цвету и слегка увядшие опаленки, черные лепестки которых устилали землю. Вздучалась пористая почва, изрытая остроиглистыми насекомыми; при взгляде на тысячи маленьких дырочек думалось об околелшей губке.

Жакмор неторопливо брел, посматривая на окалины, чьи темно-красные сердца учащенно бились на солнце. При каждом ударе облако пыльцы поднималось, а затем оседало на нехотя вздрагивающие листья. Рассеянные пчелы были не у дел.

От подножия скалы доносилось тихое хрипение волн. Жакмор остановился на узкой кромке, отделяющей его от пропасти, и посмотрел вниз. Там все казалось недостижимым, обрывистым, и пена дрожала в расщелинах скал июльским студнем. Пахло палеными водорослями. У Жакмора закружилась голова, и он опустился на колени, прямо на землистого цвета летнюю траву. Коснувшись вытянутыми руками козлиного помета удивительно неправильной формы, он решил, что здесь водится Содомский козел – разновидность, которую он считал давно исчезнувшей.

Теперь он уже не испытывал такого страха и даже решился взглянуть еще раз. Большие пласты красной породы уходили вертикально вниз, в мелководье, откуда почти сразу же взмывали вверх, образуя скалу, на гребне которой пребывал коленопреклоненный Жакмор.

То там, то здесь всплывали черные рифы, промасленные прибоем и увенчанные колечками пара. Солнце разъедало поверхность моря, отражаясь в накипи искрящимися похабными каракулями.

Жакмор поднялся с колен и зашагал по тропе. Та заворачивала; слева он увидел уже тронутый ржавчиной папоротник и зацветающий вереск. На обнаженных скалах сверкали кристаллы соли, принесенные прибоем. Удаляясь от моря, тропа карабкалась по склону, который становился все круче и круче, огибала грубые глыбы черного гранита, местами помеченные очередными кучками козлиного помета. Самих коз не было и в помине. Их отстреливали таможенники. Из-за помета.

Он ускорил шаг и внезапно оказался в тени, так как солнечные лучи не могли за ним угнаться. Прохлада принесла облегчение, и он прибавил шагу. А цветы окалины так и плыли бесконечной огненной лентой перед его глазами.

По верным приметам он понял, что приближается, и остановился пригладить растрепанную рыжую бороду. Затем вновь бодро зашагал по тропе. Спустя мгновение Дом явился ему во весь рост в обрамлении двух гранитных глыб, выточенных эрозией в форме леденцов на палочке; сдавливая тропу, они казались столбами огромных крепостных ворот. Новый поворот – и Жакмор потерял Дом из виду. Тот находился довольно далеко от обрыва – на самом верху. Когда два мрачных столпа остались позади, ему открылось белоснежное здание, окруженное необычными деревьями. Начинаясь от крыльца светлая линия лениво петляла вдоль холма и, вдоволь напетлявшись, соединялась с тропинкой, по которой поднимался Жакмор. Он свернул и в знак солидарности тоже запетлял. Дойдя почти до самой вершины, он услышал крики и побежал.

От широко распахнутой калитки до крыльца чья-то заботливая рука протянула ленту красного шелка. Лента вела по лестнице на второй этаж. Жакмор поднялся. В спальне на кровати лежала измученная женщина, потерявшая счет бесконечным родовым схваткам. Жакмор

бросил на пол кожаную сумку, засучил рукава и принялся намыливать руки над грубой посудой из цельного необработанного камня.

II

Одинокий Ангель сидел в своей комнате и удивлялся собственной выдержке. Он слышал, как за стенкой стонет жена, но зайти к ней не решался – она угрожала ему револьвером. Супруга предпочитала кричать без свидетелей; она ненавидела свой огромный живот и не хотела, чтобы ее видели такой. На протяжении двух месяцев Ангель жил отдельно, ожидая, когда все это закончится; самые разные пустяки давали пищу его грезам. Целыми днями он ходил по кругу, узнав из репортажей, что заключенные кружат по камере, как звери в клетке. Вечерами он засыпал, стараясь увидеть во сне ягоды жены, так как, учитывая размеры ее живота, было предпочтительнее думать о ней сзади. Ночами он часто вздрагивал и просыпался. Зло в основном уже свершилось, и ничего удовлетворительного в этом не было.

На лестнице слышались шаги Жакмора. В этот момент крики жены оборвались; Ангель оцепенел. Затем подкрался к двери, прильнул к замочной скважине, но, как ни старался, ничего не смог разглядеть: ножка кровати закрывала все остальное. Только зазря вывихнул себе правый глаз, затем выпрямился и прислушался – не к чему-то, а просто так.

III

Жакмор положил мыло на край посуды и взял махровое полотенце. Вытер руки. Открыл сумку. Рядом в электрическом сосуде закипала вода. Жакмор простерилизовал в ней резиновый напальчник, ловко натянул его и приоткрыл сокровенно-женское, чтобы посмотреть, как разворачиваются события.

Увидев, выпрямился и брезгливо поморщился:

– Их там трое.

– Трое... – прошептала пораженная роженица.

И тут же завопила, поскольку измученная утроба внезапно напомнила о том, что ей очень больно.

Жакмор достал из сумки несколько стимулирующих пилюль и проглотил их; он чувствовал, что ему сейчас достанется. Выдернул грелку из постели и со всей силы швырнул ее на пол, чтобы привлечь шумом кого-нибудь из прислуги. Он услышал, как внизу кто-то забежал и ринулся вверх по лестнице. Появилась сиделка, вся в белом, как на китайских похоронах.

– Подготовьте инструменты, – приказал Жакмор. – Как вас зовут?

– Белянкой меня кличут, – произнесла она с отчетливой деревенской растяжкой.

– В таком случае я предпочитаю вас никак не называть, – пробурчал Жакмор.

Ничего не ответив, девушка бросилась начищать никелированные медицинские штуковины. Жакмор подошел к кровати. Женщина внезапно замолчала. Ее пронзила боль.

Он схватил бритву и с видом знатока обрил роженице лобок. Затем решительно обвел белой чертой границы операционного поля. Сиделка смотрела на него с изумлением, поскольку ее познания в области акушерства не заходили дальше отёла.

– У вас есть медицинский словарь? – спросил Жакмор, откладывая помазок. Завершив приготовления, он склонился над своим произведением и подул на краску, чтобы быстрее высохла.

– У меня есть только общий каталог французских оружейных заводов да песенник города Сент-Этьен, – ответила сиделка.

– Досадно, – сказал Жакмор. – В словаре мы могли бы что-нибудь вычитать.

Не дожидаясь ответа, он обшарил взглядом комнату и остановился на двери, за которой томился Ангель.

– А кто томится за дверью?

– Там хозяин... – ответила сиделка. – Он заперт.

В этот момент роженица очнулась и выдала серию пронзительных криков. Ее кулаки сжимались и разжимались. Жакмор повернулся к сиделке:

– У вас есть какой-нибудь таз?

– Пойду посмотрю, – ответила та.

– И пошевеливайтесь, безмозглое создание! – прикрикнул Жакмор. – Или вы хотите, чтобы она загадила нам все простыни?

Сиделка вылетела пробкой, и Жакмор с удовлетворением услышал, как, скатываясь по лестнице, она бьется головой о ступеньки.

Он подошел к роженице и нежно погладил испуганное лицо.

Ее руки судорожно сжали запястье Жакмора.

– Вы хотите видеть мужа? – спросил он.

– О да! – воскликнула она. – Только дайте мне револьвер, он там, в шкафу...

Жакмор покачал головой. Вернулась сиделка с овальной лоханью, которую использовали при ошипе собак.

– Больше ничего нет, – сказала она. – Уж придется вам приспособиться.

- Помогите засунуть это под нее, – приказал Жакмор.
- Тут края острые, – заметила сиделка.
- Ничего. Это вам всем в назидание, – отозвался Жакмор.
- Это глупо, – прошептала сиделка. – Она не сделала ничего плохого.
- А что она сделала хорошего?

Распухшая спина распласталась по стенкам плоской лохани.

– Интересно, – вздохнул Жакмор, – и что же мы будем делать дальше? По-моему, психиатр здесь совсем не к стати...

IV

Он в нерешительности задумался. Роженица молчала, а оцепеневшая сиделка таращила на него глаза, начисто лишённые какого-либо выражения.

– Нужно, чтобы у нее отошли воды, – сказала она.

Жакмор безразлично кивнул. Потом, встрепенувшись, поднял голову. Смеркалось.

– Солнце спряталось? – спросил он.

Сиделка пошла посмотреть. За скалой улетучивался день и поднимался молчаливый ветер. Она вернулась обеспокоенная.

– Не понимаю, что происходит... – прошептала она.

В комнате стало темно, глаза различали лишь какое-то свечение вокруг зеркала на камине.

– Сядем и подождем, – тихо предложил Жакмор.

В окно пахло горькими травами и пылью. День бесследно исчез. Темная глубина комнаты выдавила голос роженицы:

– Со мной это больше не произойдет. Я не хочу, чтобы это повторилось.

Жакмор заткнул уши. Ее голос скрипел гвоздем по стеклу. А рядом всхлипывала насмерть перепуганная сиделка. Звуки просачивались в черепную коробку Жакмора и капали ему на мозги.

– Они сейчас полезут, – сказала роженица и зло засмеялась. – Они сейчас полезут, и мне будет больно, а это только начало.

Жалобно застонала кровать. Женщина тяжело задышала, вновь раздались стенания.

– Пройдет еще столько времени, целые годы, и каждый час, каждая секунда будет продолжением этой боли, которая ни к чему не приведет, и этой боли не будет конца.

– Хватит, – отчетливо прошептал Жакмор.

Роженица завопила во всю глотку. Глаза психиатра уже привыкли к свечению, исходящему от зеркала. В нем он увидел, как лежащая женщина выгнулась и начала корчиться всем телом. Она долго протяжно кричала, ее крик остывал в ушах Жакмора горькой слипшейся кашей. Внезапно между согнутыми ногами показались, одно за другим, два светлых пятна. В темноте он угадал движения сиделки, которая, придя в себя, подхватила двоих младенцев и завернула в простыню.

– Там еще один, – подумал он вслух.

Выпотрошенная мать, казалось, была уже на исходе сил. Жакмор встал. Появился третий ребенок, Жакмор ловко схватил его и помог роженице. Ее измученное тело откинулось на кровать. Ночь беззвучно рвала себя на части, свет вливался в комнату, а женщина лежала неподвижно, уронив голову на плечо. Мешки под глазами на осунувшемся лице свидетельствовали о проделанной работе. Жакмор вытер пот со лба, с шеи и удивленно замер: снаружи, из сада, доносились какие-то звуки. Сиделка закончила пеленать последнего ребенка, положив его на кровать рядом с двумя другими. Она подошла к шкафу, позаимствовала простыню и развернула ее в длину.

– Я перетяну ей живот, – произнесла она. – Ей надо поспать. А вы идите.

– Вы перерезали пуповины? – забеспокоился Жакмор. – Завяжите их потуже.

– Я завязала бантиком, – отозвалась сиделка. – Держатся так же крепко, зато выглядят поэlegantнее.

Вконец отупевший, он кивнул.

– Сходите за хозяином, – подсказала сиделка.

Жакмор подошел к двери, за которой томился Ангель, и повернул ключ.

V

Ангель сидел на стуле – излом спины под тупым углом и полость тела, все еще звенящая от криков Клементины. Ключ повернулся в замочной скважине, и Ангель поднял голову: рыжая борода психиатра поразила его.

– Меня зовут Жакмор, – представился вошедший. – Я проходил мимо и услышал крики.

– Это Клементина, – сказал Ангель. – Все в порядке? Уже? Скажите!

– Вы трижды отец, – объявил Жакмор.

– Тройняшки? – удивился Ангель.

– Двойняшки и один отдельно, – уточнил Жакмор. – Он вышел вслед за ними. Это признак сильной личности.

– А как она? – спросил Ангель.

– С ней все хорошо, – сказал Жакмор. – Скоро вы сможете ее увидеть.

– Она очень злится на меня. Даже заперла, – сказал Ангель. – Хотите что-нибудь выпить? – предложил он приличия ради и с трудом поднялся.

– Спасибо, – поблагодарил Жакмор. – Не сейчас.

– А вы здесь какими судьбами? – спросил Ангель. – Приехали к нам отдохнуть?

– Да, – ответил Жакмор. – Думаю, мне у вас будет неплохо, раз вы сами предлагаете.

– Нам просто повезло, что вы оказались рядом, – сказал Ангель.

– А врача здесь нет? – поинтересовался Жакмор.

– Меня заперли, – пояснил Ангель. – Я не мог ничего сделать. Всем должна была заниматься девушка с фермы. Она такая отзывчивая.

– А-а... – протянул Жакмор.

Они замолчали. Жакмор почесал бороду растопыренной пятерней. Его голубые глаза блестели на солнце, заплывшем в комнату. Ангель внимательно рассматривал гостя. Психиатр был одет в костюм из очень мягкой черной ткани – облегающие брюки со штрипками и длинную, зауженную в плечах куртку, застегнутую до подбородка. Черным лаком отливали кожаные сандалии, а в проруби воротника плескались лиловые воланы сатиновой сорочки. Психиатр был безумно прост.

– Я рад, что вы здесь останетесь, – произнес Ангель.

– Теперь можете зайти к жене, – предложил психиатр.

VI

Клементина не двигалась. Она лежала на кровати, уставившись в потолок. Два младенца – справа, третий – слева.

Сиделка уже прибрала в комнате. Солнце беззвучно переливалось через подоконник; окно было открыто.

– Завтра нужно будет отнять их от груди, – сказал Жакмор. – Не может же она кормить сразу троих, а так получится быстрее, и она сохранит красивую грудь.

Клементина зашевелилась, повернула голову и метнула в их сторону колючий взгляд.

– Я буду кормить их сама. Всех троих. И это не испортит мою грудь. А если испортит, то тем лучше. Во всяком случае, у меня больше нет желания нравиться кому бы то ни было.

Ангель подошел поближе, протянул руку, чтобы погладить ее, но она резко отстранилась.

– Хватит, – отрезала она. – Я не хочу начинать все сначала.

– Послушай, – прошептал Ангель.

– Уходи, – устало произнесла она. – Я не хочу тебя видеть. Мне было очень больно.

– Тебе не лучше? – спросил Ангель. – Смотри... Живот, который тебе так мешал... У тебя его больше нет.

– Вас перетянули пеленкой, – добавил Жакмор, – когда подниметесь, и следа не останется.

Клементина напряглась и чуть приподнялась. Она заговорила низким свистящим голосом:

– Значит, я должна чувствовать себя лучше, да?.. Ага... вот так, сразу... с разорванным животом... с перекошенным позвоночником... с развороченной поясницей... со скрученными жгутом костями и налившимися кровью глазами, я должна поправиться, быть умницей, сделать свое тело стройным и гладким, а грудь – упругой... и все для того, чтобы ты или такой, как ты, меня снова тискал и впрыскивал свое дерьмо и чтобы все опять началось сначала, эта боль, эта тяжесть, эта кровь...

Она быстро сунула руку под одеяло и сорвала простыню, перетягивавшую тело. Ангель было подался вперед.

– Не подходи! – просипела она с такой ненавистью, что безответный муж замер на полушаге. – Уходите! Оба! Ты – потому что ты меня такой сделал, а вы – потому что меня такой видели. Прочь!.. Пошли вон!

Жакмор направился к двери, за ним понуро поплелся Ангель. У самого порога супруг получил по затылку свернутой в ком простыней. От супруги. Он споткнулся и ударился лбом о дверной косяк. Дверь за ним захлопнулась.

VII

Они спускались по выложенной красной плиткой лестнице, которая содрогалась при каждом шаге. Крепко сбитый дом держался черными потолочными балками и побеленными известью стенами. Жакмор не знал, что и сказать.

– Это скоро пройдет, – попробовал он.

Ангель недоверчиво хмыкнул.

– Тяжело на душе? – подсказал психиатр.

– Нет, – ответил Ангель. – Просто два месяца просидел взаперти. – Он натянуто улыбнулся. – Странно себя чувствуешь, оказавшись на свободе.

– А что вы делали эти два месяца? – спросил Жакмор.

– Ничего, – сказал Ангель.

Они пересекали большой холл, выложенный той же красной плиткой, что и лестница. Мебели было мало: светлого дерева массивный стол и низкий буфет, две-три белесых красивой живописи картины на стенах. Стулья, подобранные в том же стиле. Ангель остановился около буфета.

– Чего-нибудь выпьете? – предложил он.

– Охотно, – согласился Жакмор.

Ангель налил в рюмки домашней стоеросовки.

– Отменно! – отметил Жакмор. И добавил, заполняя возникшую паузу: – А вообще-то каково стать отцом?

– Веселого мало, – изрек Ангель.

VIII

29 августа

Клементина была одна. В комнате – ни звука. Разве что разыгравшиеся солнечные зайчики иногда поднимали возню с оконными шторами.

В полном отупении полая Клементина водила руками по сдувшемуся дряблему животу. По тяжелым, набухшим грудям. К пустому телу она испытывала чувства сожаления, вины и стыда; о брошенной накануне простыне даже не вспоминала. Ее пальцы ощупывали шею, плечи, чрезмерно налившуюся грудь. Ей было жарко, наверняка поднялась температура.

До нее доносились едва различимые звуки далекой деревенской жизни. В этот час начинались работы в поле. Слышался визг заточенной в темных хлевах скотины, обиженной, но скорее с виду.

Рядом с Клементиной спали три засранца. Преодолевая легкую брезгливость, она взяла одного и приподняла на вытянутой руке. Розовое существо – сморщенный кусочек мяса с маленьким слизистым ртом спрута и узкими щелками глаз. Она отвернулась, высвободила одну из грудей и поднесла к ней младенца. Пришлось еще и всунуть сосок ему в рот, только тогда его кулачки сжались, а щеки втянулись. Он заглотил первую порцию; она всосалась с мерзким булькающим звуком. Это было не очень приятно; немного облегчало, понемногу калечило. Опустошив грудь на две трети, засранец отвалился, беззащитно раскинул руки в стороны и препротивно засопел. Клементина положила его рядом с собой; не переставая сопеть, он задвигал ртом и зачмокал во сне губами. На голове у него шевелился жалкий пушок, тревожно бился родничок – стоит только нажать, и все.

Дом содрогнулся от глухого удара. Это хлопнула тяжелая входная дверь. Жакмор и Ангель ушли. Клементине принадлежало исключительное право на жизнь и смерть трех существ, спавших рядом. Ее право. Она погладила свою грудь, было больно и тяжело. Этого хватит на всех троих.

Второй жадно набросился на коричневый сосок, только что оставленный братом. Этот разобрался сам. Клементина вытянулась. Прислушалась к шебуршанию гравия под ногами Жакмора и Ангеля. Второй ребенок сосал. Третий зашевелился во сне. Она приподняла его и дала другую грудь.

IX

Сад цеплялся за скалу, крутые обрывы представлялись доступными лишь редкому ретивому садовнику, так что разнообразные подвиды оставались брошенными на произвол судьбы. Там росли мозольник с сине-фиолетовой листвой внутри и нежно-зеленой в белых прожилках снаружи, дикая вязуница с нитеобразными стеблями, вся в пролежнях и чудовищных наростах, расцветающая сухими подушечками – кровавыми меренгами, пучки серо-жемчужных лоснящихся пельмянок, жирная партизанка, провисающая длинными гроздьями на низких ветвях араукарий, сирты, голубоглазые майянги, несколько сгобеленившихся разновидностей бекабунги, образующих толстый изумрудный ковер, в котором нашли себе приют маленькие резвые лягушки, боевые изгороди бакланта, каннаиса, цензария; тысячецветье, воинственное или мирное, окопавшееся в траншеях склона, стелющееся вдоль стен сада, ползущее по-пластунски как водоросли, – открыто атакуя по всей линии или тайком пролезая между металлическими прутьями решетки. Выше и дальше сеть дорожек, вымощенных гравием, делила горизонтальную часть сада на свежие откормленные лужайки. Шершавые стволы многочисленных деревьев совершали мощный прорыв почвы.

Именно сюда Ангель и Жакмор пришли прогуляться после бессонной ночи. Свежий морской ветер раскатывал перед ними кристаллическую скатерть по всей поверхности скалы. В небе на месте солнца висел дырявый огненный квадрат.

– А сад у вас красивый, – не найдя ничего лучшего, брякнул Жакмор. – Вы давно здесь живете?

– Да, – ответил Ангель. – Два года. У меня было помутнение сознания. Я много чего напорол.

– Запас еще есть... – обнадежил Жакмор. – Можно пороть дальше. Еще не все потеряно.

– Правильно, – согласился Ангель. – Но чтобы это понять, мне потребовалось больше времени, чем вам.

Жакмор кивнул.

– Мне рассказывают все, – заявил он. – В итоге я знаю, что у кого внутри. Кстати, вы не могли бы указать мне любопытные случаи для психоанализа?

– Их здесь сколько угодно, – сказал Ангель. – Взять хотя бы сиделку. Да и другие деревенские не откажут. Это люди грубоватые, но интересной и богатой судьбы.

Жакмор радостно потер руки.

– Мне понадобится много случаев, – сказал он. – Я – ненасытный потребитель рассудков.

– Это как? – поинтересовался Ангель.

– Сейчас объясню, зачем я сюда приехал. Я искал спокойное место для одного эксперимента. Так вот: представьте себе малышку Жакмора в виде какой-нибудь пустой емкости.

– Вроде бочки? – предположил Ангель. – Вы что, пьяны?

– Да нет, я – пуст. Во мне ничего нет, кроме жестов, рефлексов, привычек. Я хочу себя наполнить. Вот почему я занимаюсь психоанализом. Но моя бочка – это бочка Данаид. Я не усваиваю. Я забираю мысли, комплексы, сомнения, у меня же ничего не остается. Я не усваиваю или усваиваю слишком хорошо... что, в общем, одно и то же. Разумеется, я удерживаю слова, формы, этикетки; мне знакомы термины-полочки, по которым расставляют страсти, эмоции, но сам я их не испытываю.

– Ну а как же эксперимент? – спросил Ангель. – Ведь вам хочется его провести?

– Конечно, – согласился Жакмор. – Еще как хочется! Какой именно? Сейчас объясню. Я хочу провести абсолютно полный психоанализ. Я – одержимый.

Ангель пожал плечами:

– Этого до сих пор никто не сделал?

– Нет, – ответил Жакмор. – Тот, кто станет пациентом на этом сеансе, должен рассказать обо всем. Обо всем. О своих самых тайных мыслях, о самых страшных секретах, о невысказанных идеях, о том, в чем он не осмеливается признаться даже самому себе; обо всем, что есть и что еще останется после, а затем и о том, что стоит за этим. Ни один психоаналитик не проводил такого эксперимента. Я хочу понять, как далеко можно зайти. Я хочу заполучить желания и стремления, я возьму их у окружающих. Полагаю, что у меня не оставалось ничего из полученного ранее, так как я не заходил достаточно далеко. Я хочу устроить что-то вроде идентификации. Знать, что страсти существуют, и не чувствовать их – это ужасно.

– Но если у вас есть такое желание, – возразил Ангель, – то будьте уверены, этого вполне достаточно, чтобы не считать себя совсем пустым.

– У меня нет никакого основания делать что-то одно вместо чего-то другого, – сказал Жакмор. – Я хочу взять у других то, что ими движет.

Они добрались до стены, возвышавшейся с другой стороны дома, симметрично воротам, через которые Жакмор прошел в сад накануне. Высокая позолоченная ограда нарушала монотонность камня.

– Мой дорогой друг, – сказал Ангель, – позвольте мне повторить еще раз: иметь желания – уже само по себе достаточно сильная страсть. И то, что она заставляет вас действовать, – неоспоримое тому доказательство.

Психиатр провел рукой по рыжей бороде и засмеялся:

– Вместе с тем это доказывает отсутствие желаний.

– Вовсе нет, – возразил Ангель. – Чтобы не обладать ни желаниями, ни устремлениями, вы должны оказаться в совершенно нейтральной социальной среде. И не испытывать на себе никакого влияния, утратить все воспоминания о прошлом.

– Так оно и есть, – подтвердил Жакмор. – Я родился в прошлом году, таким, каким вы видите меня сейчас. Взгляните на мой паспорт.

Ангель взял документ и стал его разглядывать.

– Да, правда, – признал он, возвращая паспорт. – Но это же неправда!

– Да вы вслушайтесь, что говорите! – запротестовал возмущенный Жакмор.

– Одно очень хорошо дополняет другое, – пояснил Ангель. – Правда, что это записано в паспорте, но то, что в нем написано, – неправда.

– Однако что там написано, – продолжал Жакмор. – «Психиатр. Пустой. Для наполнения». Аннотация! Да что об этом говорить! Написано черным по белому!

– Ну и что? – спросил Ангель.

– А то! Вы же видите, что желание наполнения исходит не от меня. Что все это было разыграно заранее. Что я не был свободен в своем выборе.

– А вот и нет! – возразил Ангель. – Если у вас есть хотя бы одно желание, вы уже свободны.

– А если бы у меня его не было? Даже этого одного?

– Вы бы просто перестали существовать.

– Тьфу! Не буду больше спорить. С вами становится страшно.

Выйдя за ограду, они зашагали по дороге, что вела в деревню. Земля белая и пыльная, по обочинам росла влажная трава цилиндриками – темно-зеленое частоколье желатиновых карандашей.

– Так ведь все как раз наоборот! – взвился Жакмор. – Свобода – это полное отсутствие каких бы то ни было желаний, и абсолютно свободным может считаться только тот, кто не имеет никаких желаний. Именно потому, что у меня нет никаких желаний, я считаю себя свободным.

– А вот и нет, – возразил Ангель. – Поскольку у вас есть желание занять желания, у вас уже есть желание что-то занять, а значит, все ваши рассуждения неверны.

– О! – воскликнул Жакмор в негодовании. – В конце концов, хотеть чего-либо означает быть прикованным к своему желанию.

– А вот и нет, – возразил Ангель. – Свобода – это желание, которое исходит от вас. А в общем-то...

Он остановился.

– А в общем-то, – подхватил Жакмор, – вы просто морочите мне голову. Я собираюсь вести сеансы психоанализа и забирать истинные желания, хотения, сомнения и все такое, а вы тут меня терзаете.

– Подождите, – в раздумье произнес Ангель, – проведем следующий опыт: попробуйте хоть на секунду полностью перестать хотеть желания других. Попробуйте. Но только честно.

– Я согласен, – сказал Жакмор.

Они остановились на обочине. Психиатр закрыл глаза и, казалось, полностью расслабился. Ангель пристально вглядывался в его лицо. Кожа Жакмора как будто дала бесцветную трещину. Лицо постепенно светлело; какую-то странную прозрачность приобретали руки, шея, тело.

– Посмотрите на свои пальцы... – прошептал Ангель.

Жакмор открыл почти бесцветные глаза. Сквозь свою правую руку он увидел черный камень на дороге. Внезапно, как бы одернув себя, он снова обрел очертания и плотность.

– Вот видите, – заметил Ангель. – В абсолютно расслабленном состоянии вы перестаете существовать.

– Ну... – протянул Жакмор. – Вы сильно заблуждаетесь. Если вы надеетесь переубедить меня с помощью подобных фокусов... Лучше объясните, как это у вас получилось...

– Ладно, – махнул рукой Ангель. – Я даже рад, что вы такой лицемер и совершенно не хотите признавать очевидного. Это в порядке вещей. У психиатра должна быть нечистая совесть.

Они дошли до окраины деревни и, не сговариваясь, одновременно повернули назад.

– Ваша жена хочет вас видеть, – произнес Жакмор.

– С чего вы взяли? – буркнул Ангель.

– У меня такое предчувствие, – сказал Жакмор. – Я – идеалист.

Они вошли в дом и поднялись по лестнице. Резные дубовые перила услужливо прогнулись под увесистой пятерней Жакмора. Ангель открыл дверь в комнату Клементины.

Х

Он застыл на пороге. Жакмор остановился за его спиной в ожидании.

– Ты не против, если я войду? – спросил Ангель.

– Войди, – ответила Клементина.

Она взглянула на него мельком – и не друг, и не враг, а так. Так он и стоял, не осмеливаясь присесть на край кровати, – боялся потревожить.

– Я тебе больше не верю, – сказала она. – Женщина, которой наделали детей, не может верить мужчинам. Особенно тому, кто наделал.

– Моя бедная Клементина, – начал Ангель, – ну и досталось же тебе!

Она резко вскинула голову. Она не хотела, чтобы ее жалели.

– Завтра я встану с кровати. Через шесть месяцев они должны научиться ходить. Через год – читать.

– Ты идешь на поправку, – сказал Ангель. – Узнаю прежнюю Клементину.

– А это была не болезнь, – отрезала она. – С этим покончено. Это не повторится никогда. В воскресенье их должны крестить. Их назовут Жоэль, Ноэль и Ситроэн. Я так решила.

– Жоэль и Ноэль, – повторил Ангель. – Звучит не очень красиво. Есть еще Азраэль, Натанаэль. Ариэль, в конце концов. Или Сливунэль.

– Ты уже ничего не изменишь, – отчеканила Клементина. – Жоэль и Ноэль для двойняшек. Ситроэн – для третьего. За этим, – добавила она сама себе вполголоса, – мне придется присматривать с самого начала. С ним будет нелегко, но он такой славный. Завтра, – громко объявила она, – у них должны быть кровати.

– Если вам надо что-то купить, – предложил Жакмор, – я к вашим услугам. Не стесняйтесь.

– Хорошая идея, – согласилась Клементина. – Ручаюсь, вы не останетесь без дела.

– Это не в моих привычках, – заметил Жакмор.

– Но здесь вы этому быстро научитесь, – одернула его Клементина. – А теперь уходите. Оба. Закажите у столяра три кровати. Две маленькие и одну побольше. И скажите ему, чтобы сделал как следует. И пришлите ко мне Беянку.

– Хорошо, дорогая, – промолвил Ангель.

Он склонился над женой, поцеловал ее и выпрямился. Из комнаты он вышел первым, Жакмор – вторым.

– А где Беянка? – спросил психиатр, закрыв за собой дверь.

– Внизу... – ответил Ангель. – В застиральне. В застерильне. Пойдемте обедать. За покупками ходим потом.

– Схожу я, – сказал Жакмор. – А вы останетесь здесь. У меня нет ни малейшего желания продолжать эти утомительные споры. И вообще, не мое это дело – дискутировать. В конце концов, психиатр призван психиатрировать. Это же очевидно.

XI

Жакмор миновал ограду во второй раз и вышел на дорогу, ведущую в деревню. Справа – стена сада, прибрежная скала и очень далекое море. Слева – возделанные поля, беспорядочно разбросанные деревья и изгороди в ряд. Колодец, которого он не заметил утром, венчала странная каменная надстройка с двумя колоннами и закрепленным между ними барабаном из ясеня, удерживавшим шероховатую ржавую цепь. Вода в глубине колодца закипала, накипь выплескивалась через край, отражая белооблачные кудряшки, проворно расчесываемые гребешком голубого неба.

Вдали показались первые дома, на удивление грубо сколоченные фермы подковообразной формы; концы подков были обращены в сторону дороги. Сначала появилась одна, затем другая, и обе – с правой стороны. Двор имел обычную планировку: посреди квадратной площадки – большой пруд, в его чернильной воде водились раки и вибраки; по левую руку – крыло, где жил фермер с семьей, по правую и в глубине – хлев и конюшня, расположенные на втором этаже, куда скотина карабкалась по довольно крутому пандусу. Под этим скотским трапом, подпертым массивными сваями, держали лохани, в которых скапливались – благодаря силе притяжения – навоз и дерьмо. Пустые корыта в хлевах заполняли соломой, зерном и кормами. В специально оборудованном чулане портили фермерских девок. Двор, мощный серым гранитным булыжником, разделялся на ромбы ровными полосками губчатой травы цилиндрической формы, такой же, как на обочине дороги.

Жакмор шел дальше; вокруг не было ни души. Ферм становилось все больше. Теперь они встречались и по левую сторону, куда, расширяясь, заворачивала дорога. На повороте ее внезапно обогнал красный ручей – гладь на уровне берега: ни складки, ни морщинки – с плывущими комочками неясного, как будто пищеварительного происхождения. Отовсюду из пустых домов доносился непонятный гул. Не удавалось Жакмору определить и составные компоненты сложных зловонных паров, которые окатывали его из-за каждого угла.

Но все же особое любопытство вызывал ручей. То он сухо сходил на нет – ни единой капли, то вдруг наполнялся до краев, набухая, надуваясь, натягивая прозрачную пленку. Речушка мутного светло-красного цвета. Гуашка кровавых плевков, разведенных в слюне. Жакмор подобрал булыжник и бросил в ручей. Булыжник скромно погрузился в жидкость, без шума, без всплеска, ну прямо пуховая заводь.

Тем временем дорога переросла в вытянутую площадь с возвышением, на котором расставленные в шеренгу деревья стерегли тень, и раздвоилась. Справа обнаружилось какое-то толпливое мельтешение; туда Жакмор и направился.

Подойдя поближе, он понял, что это всего лишь ярмарка стариков. Он увидел деревянную лавку, выставленную на солнце, и большие валуны, на которых устраивалась прибывающая публика. Старичье сидело на лавочке; три валуна уже были заняты зрителями. Жакмор насчитал семь стариков и пять старух. Перед скамьей красовался муниципальный барышник с молескиновой тетрадью под мышкой. На нем был старый вельветовый костюм коричневого цвета, башмаки, подбитые гвоздями, и, несмотря на жару, гнусный картуз из кротовой кожи. От него плохо пахло, а от стариков еще хуже. Многие из них сидели неподвижно, опираясь на отполированные ладонями палки, все без исключения в засаленных лохмотьях, небритые, с морщинами, забитыми засохшей грязью, и со слипшимися от долгой подсолнечной работы веками. Шамкали беззубые рты, вонял зубной перегой.

– Итак, – приступил барышник, – вот этот стоит совсем недорого и может еще хорошо послужить. Ну как, Жавруняк, неужели не возьмешь его для своих ребятишек? Он еще может от них как следует огрести.

– А он еще может им как следует показать?

– Ах, это? Еще как! – заверил барышник. – Ну-ка иди сюда, старый хрен!

Он подозвал старика. Тот, согнувшись в три погибели, шагнул вперед.

– Покажи-ка им хорошенько, что там у тебя между ног!

Дрожащими руками старик принялся расстегивать замусоленную до блеска ширинку. Зрители расхохотались.

– Вы только посмотрите! – воскликнул Жавруняк. – Оказывается, у него действительно еще что-то есть!

Он склонился над стариком и, корчась от смеха, пощупал жалкий комочек.

– Ладно! Беру за сто франков.

– Продано! – крикнул барышник.

Жакмор знал, что в деревне такие ярмарки – дело привычное, но сам он при этом присутствовал в первый раз, и зрелище его поразило.

Старик застегнул ширинку и застыл в ожидании.

– Пшел, старая шепеля! – прикрикнул Жавруняк, пнув старика так, что тот зашатался. – Развлекайтесь, ребята.

Старик засеменил по дороге. Двое детей отделились от толпы. Один из них принялся подстегивать старика прутиком, а другой повис у него на шее, стараясь опрокинуть на землю. Тот шлепнулся лицом в грязь. На них никто не обращал внимания. Один Жакмор как зачарованный наблюдал за ними. Старик встал на колени; из разбитого носа потекла кровь, изо рта что-то вывалилось. Жакмор отвернулся и присоединился к толпе. Барышник расхваливал толстую приземистую женщину лет семидесяти с редкими свалывшимися волосами, выбивавшимися из-под черной косынки.

– Ну что, эта в хорошем состоянии, – продолжал он. – Есть желающие? Зубов нет вовсе. Так, глядишь, даже сподручнее.

Жакмора слегка покорило. Он взгляделся в лица окружающих. Одни мужчины, лет тридцати пяти – сорока, крепкие, коренастые, с заливчатски нахлобученными картузами. Народец стойкий, нестигаемый. Некоторые – аж с усами. Верный признак.

– Шестьдесят франков за Адель! – подзадоривал барышник. – За такую цену – да еще и без зубов. Почти даром. Ты, Христунок? Или ты, Кувшинюк?

Он треснул старуху по спине:

– Вставай, старая кляча, пускай на тебя полюбуются! Товар что надо.

Старуха поднялась. Качнулась омерзительная масса жира в сеточке набухших вен.

– Повернись! Покажи народу свои ляжки. Загляденье!

Жакмор старался не смотреть. От старухи чудовищно воняло; он почувствовал, что его сейчас вытошнит насмерть.

– Пятьдесят, – раздался чей-то фальцет.

– Забирай, она – твоя! – прокричал барышник.

Старуха даже не успела оправить холщовую юбку, как он дал ей увесистую оплеуху. Огромный темноволосый битюг, стоящий рядом с Жакмором, добродушно рассмеялся. Жакмор положил ему руку на плечо:

– Что же вы смеетесь? Неужели вам не стыдно?

Тот сразу же перестал смеяться.

– Неужели мне что?

– Вам не стыдно? – мягко повторил Жакмор. – Это же старики.

Сокрушительной силы удар пришелся в губу, Жакмор даже не успел увернуться. Губа лопнула, он ощутил соленый привкус крови. Психиатр покачнулся и упал. На него никто не смотрел. Аукцион продолжался.

Он поднялся и отряхнул брюки от пыли. За его спиной возвышалась стена мрачных враждебных спин.

– А у этого, – донесся лающий голос старьевщика, – деревянная кульпяпка! Нравится? Сто десять франков для начала! Сто десять!

Жакмор пошел прочь. Поодаль площадь выходила на улицу, обещавшую большую лавочную активность. Жакмор направился в ту сторону. Он пребывал в полной растерянности, ему было не по себе. Через несколько минут он вошел в лавку столяра. Дверь захлопнулась за его спиной. Ему оставалось только ждать.

XII

В комнате для посетителей, скорее походившей на уборную, хозяина не было. Обстановка располагала: пол из зашарканных, изрядно почерневших еловых досок, стол черного дерева, два стула с вылезающей соломой, старый календарь на стене и сажа на месте печи в самом углу. Дощатые перегородки. В глубине – приоткрытая дверь в мастерскую, откуда доносились мастерские звуки: два прерывистых постукивания, которые накладывались одно на другое, но не сливались.

Жакмор подошел к двери.

– Есть кто живой? – тихо спросил он.

Постукивания продолжались, он прошел в мастерскую, которая оказалась длинным и довольно просторным сараем, загроможденным досками, брусьями, наспех сколоченными перекладинами. Свет проникал в помещение откуда-то сверху; Жакмор разглядел три или четыре верстака, маленькую ленточную пилу, дрель, фрезерный станок на треснувшем чугуном основании. На стенах угадывались различные инструменты. Справа, у двери, через которую только что вошел Жакмор, – огромная куча щепок и опилок. Стоял густой запах столярного клея, исходивший, похоже, от липкого ведра, что разогревалось на маленькой угольной печке у дальней стены сарая перед другой дверью, в сад. На покривившейся балке висели раздолбанные приспособления для столярных работ, винтовые зажимы, старые полотна для пил, присоседившаяся ни с того ни с сего зеленая мышь, всякий хлам, разное барахло.

Тут же слева на двух крепких подпорках во всю длину растянулось огромное дубовое бревно. Сидя на нем верхом, крохотный подмастерье в лохмотьях тюкал топором, пытаясь вытесать из бревна прямоугольную балку. Худые ручонки едва удерживали тяжелую рукоятку. Чуть дальше возвышалась странная конструкция из белого дуба, внутри которой работал хозяин мастерской; он обивал кожей края этой кабинки-ложи, снабженной толстыми ставнями на петлях, поскрипывавшими при каждом ударе молотка.

Мужчина колотил, ребенок долбил. На Жакмора никто не обращал внимания; он растерянно постоял в дверях и наконец решил прервать их занятия.

– Здравствуйте! – громко произнес он.

Хозяин оторвался от своих гвоздей и поднял голову. Показалось уродливое лицо с большим ртом, отвислыми губами и утюгообразным носом; высунулись крепкие жилистые руки, мохнатившиеся толстым рыжим волосом.

– Чего тебе? – спросил он.

– Мне нужны кровати, – сказал Жакмор. – Для детей, которые родились в доме на скале. Надо сделать две кровати. Одну двухместную, а другую побольше – на одного.

– Одну сделаю, – буркнул столяр. – Трехместную, два места по ходу движения.

– А еще одну, побольше... – вставил Жакмор.

– Еще одну побольше... Там видно будет, – решил столяр. – Ручной работы или на станке?

Жакмор посмотрел на шуплого помрщника, который колошматил словно в забыты; жалкий механизм, намертво прикованный к рабочему месту.

– Вручную будет дешевле, – пояснил столяр. – Станки – дорогое удовольствие, а этих недоносков – навалом, что десяток, что дюжина.

– Суровое здесь воспитание, – заметил Жакмор.

– Так вручную или на станке? – переспросил столяр.

– На станке, – решил Жакмор.

– Ну конечно, – проворчал столяр. – А все из вредности, специально, чтобы мои станки изнашивались...

– До завтра, – сказал Жакмор.

Затем, желая польстить хозяину, он сделал вид, что интересуется его работой.

– А это что у вас? – спросил он.

– Амвон, – ответил мужчина. – Для церкви.

Он казался гордым и смущенным одновременно. С каждым словом из хляби рта моросил слюнявый дождик.

– Амвон? – удивился Жакмор.

Он подошел поближе, чтобы лучше рассмотреть конструкцию. Это был действительно амвон. Кафедра с крышкой. Престранная модель. Ничего подобного Жакмор раньше не видел.

– Я никогда не был в деревне, – сказал он. – И знаете, в городе их делают несколько иначе. Вот почему мне захотелось взглянуть.

– В городе, – сказал столяр, злобно посмотрев на Жакмора, – и в Бога-то уже не верят.

В этот момент маленький подмастерье выронил топор и рухнул, уткнувшись лицом в дубовое бревно. Внезапная тишина ужаснула Жакмора, он подошел к ребенку. Тем временем мастер отошел в сторону, вновь появился, держа в руках ржавую консервную банку, до краев наполненную водой, и выплеснул содержимое на мальчика. Видя, что ребенок не поднимается, он запустил в него банкой. Подмастерье тяжело вздохнул, возмущенный Жакмор подался было вперед, чтобы ему помочь, но маленький грязный кулачок уже вновь поднимался и опускался в прежнем вялом однообразном ритме.

– Как вы жестоки, – сказал мастеру Жакмор. – Это же ребенок! Как вам не стыдно?!

Удар в челюсть чуть не опрокинул его навзничь, два шага назад сохранили зыбкое равновесие. Психиатр осторожно ощупал подбородок – хорошо еще, что борода смягчила удар. Как ни в чем не бывало столяр вновь принялся за работу. В очередной раз опустив молоток, он сделал паузу и небрежно бросил: «Заходи в воскресенье. Красивый получится амвон», – и с гордостью погладил поверхность. Лакированный дуб, казалось, вздрогнул от прикосновения.

– Твои кровати будут готовы в воскресенье, – добавил он. – Сам их заберешь. В пять часов.

– Хорошо, – ответил Жакмор.

Удары возобновились. Сгущался запах столярного клея. Жакмор посмотрел в последний раз на подмастерье, пожал плечами и вышел.

На улице было тихо. Психиатр пустился в обратный путь. Оставляя позади деревенские окна, он чувствовал дрожь занавесок. Откуда-то выбежала, напевая, маленькая девочка. Она несла огромный эмалированный кувшин, чуть ли не больше ее самой. Заходя в дом, девочка уже не пела.

XIII

30 августа

Ангель и Жакмор сидели в просторном прохладном холле. Туда-сюда сновала служанка, возилась с напитками. Наконец поставила поднос с кувшином и стаканами перед Ангелем. Окна и дверь в сад были открыты. Время от времени в холл вдувало какое-нибудь насекомое, и его крылышки жужжали под высоким потолком.

Все умиротворялось.

– Кроватки должны быть готовы сегодня в пять часов, – произнес Жакмор.

– Значит, они уже готовы, – сказал Ангель. – Наверняка имелось в виду пять часов утра.

– Вы так думаете? – спросил Жакмор. – В таком случае они конечно уже готовы.

Они замолчали. Молча выпили; на какое-то время воцарилась тишина, которую робко нарушил Жакмор:

– Я бы не стал с вами говорить о том, что вам и так хорошо известно и вряд ли вызывает хотя бы малейший интерес, но вчерашнее зрелище в деревне меня просто поразило. Люди здесь какие-то странные.

– Вы находите? – спросил Ангель.

Спросил он вежливо, но, судя по интонации, без особенного интереса.

Жакмор запнулся.

– Да, – сказал он. – Я нахожу их странными. Но я полагаю, что их образ мыслей станет мне понятным, когда мы познакомимся поближе. А потом, где-нибудь в другом месте я бы удивлялся ничуть не меньше. Ведь мне, новоявленному, все в диковинку.

– Вне всякого сомнения, – рассеянно согласился Ангель.

Перед окном пролетела какая-то птица. Жакмор проследил за ней взглядом.

– А вы, – сказал он, внезапно меняя тему разговора, – конечно же, не желаете пропсихоанализироваться?

– Нет, – ответил Ангель. – Конечно же нет. Да я и не интересен. Я – заинтересован. А это не одно и то же.

– Чем? – поинтересовался Жакмор, предпринимая чудовищные усилия для поддержания разговора.

– Всем и ничем, – сказал Ангель. – Жизнью. Мне нравится жить.

– Вам везет, – прошептал Жакмор.

Он залпом выпил то, что оставалось в стакане.

– Хорошая штука, – заметил он. – Я могу налить еще?

– Будьте как дома, – сказал Ангель. – Не стесняйтесь.

Снова воцарилось молчание.

– Пойду проведаю вашу жену, – сказал Жакмор, поднимаясь. – Ей одной, наверное, скучно.

– Да-да, – сказал Ангель. – Разумеется. Потом заходите за мной, я возьму машину, и мы вместе поедем за кроватками.

– Я быстро, – сказал Жакмор.

Он вышел из комнаты и направился к лестнице. Тихонько постучал в дверь Клементины, дождался разрешения войти и не преминул им воспользоваться. Клементина с младенцами лежала на кровати. Два – справа, третий – слева.

– Это я, – подал голос психиатр. – Пришел справиться, не нужно ли вам чего...

– Ничего, – отрезала она. – Скоро будут готовы кроватки?

– Должны быть уже готовы, – ответил Жакмор.

– Какие они из себя? – спросила она.

– М-м... – промямлил Жакмор. – Мне думается, что он их сделал, скажем, сообразно своим представлениям. Два места по ходу движения, а третье – против.

– Одно место побольше? – встрепелась Клементина.

– Я ему сказал, – осторожно уточнил Жакмор.

– Вы хорошо устроились? – спросила Клементина после небольшой паузы.

– Очень хорошо, – заверил ее Жакмор.

– Вам ничего не нужно?

– Ничего.

Один из засранцев поморщился и заворочался. У него в животе что-то шумно и гулко бултыхнуло, обезьянья рожица разгладилась. Клементина улыбнулась и похлопала ребенка по животу.

– Ну, ну, у моего мальчика колики.

Заскулил второй. Клементина подняла глаза на настенные часы, потом перевела их на Жакмора.

– Мне пора кормить, – объявила она.

– Я вас оставляю, – прошептал Жакмор и бесшумно вышел.

Клементина схватила младенца и принялась его разглядывать. Это был Ноэль. Его губы кривились и стягивались в уголках рта, оттуда просачивался дрожащий скрип. Она быстро положила его на кровать и обнажила грудь. Приложила к ней ребенка. Он начал сосать и чуть не поперхнулся. Тогда она резко отняла его от груди. Тоненькая струйка молока описала дугу и попала в упругую округлость. Разозленный Ноэль громко закричал. Она поднесла его к груди, и он, продолжая поскуливать, жадно засосал. Она вновь отстранила его от себя.

Он яростно завопил. Клементине стало даже интересно. Она проделала это снова. И так еще четыре раза. Вzbешенный Ноэль захрипел и внезапно начал задыхаться. Его лицо приняло лиловый, почти фиолетовый оттенок. Уродливо перекошенный рот растянулся в немом крике, по почерневшим от злости щекам потекли слезы. Перепуганная насмерть Клементина затормошила ребенка.

– Ноэль, Ноэль, ну что ты...

Она заметалась по комнате. Еще немного, и она позвала бы на помощь, но в этот момент Ноэль перевел дыхание и снова завопил. Дрожащими руками она быстро сунула ему грудь. Он моментально успокоился и засосал, причмокивая губами.

Она провела ладонью по покрывшемуся испариной лбу. Она больше никогда не будет этого делать.

Насытившись, Ноэль оторвался от груди. Сглотнул, отрыгнул и почти сразу же погрузился в сон, прерываемый время от времени тяжелыми вздохами.

Взяв на руки последнего, она почувствовала на себе его взгляд. Ей стало не по себе от тревожной глубины широко раскрытых глаз этого чуждого божка с завивающимися волосками на макушке. Он улыбался странной понимающей улыбкой.

Пришел его черед. Иногда он прекращал сосать и пристально рассматривал Клементину, не выпуская, но и не заглатывая кончик соска.

Когда он закончил, она положила его слева от себя и повернулась спиной. Потянулась и медленно погрузилась в зыбкую дремоту. Хлипкие посапывания укачивали. От пеленок исходил кислый запах пота. Сон получился кошмарный.

XIV

Ангель вывел машину из гаража и остановился, поджидая Жакмора. Тот задержался, любуясь чудесной картиной: фиолетовое море, дымка с проблесками неба, цветы и деревья в саду, белый ладный дом посреди этой пестрой оргии.

Жакмор сорвал маленький желтый цветок и сел в машину. Автомобиль был старым, не очень удобным, но зато надежным. Крепкий кузов был открыт нараспашку, борт держался на двух цепях, и свежий воздух свободно циркулировал в кабине.

– Какой пейзаж! – воскликнул Жакмор. – Какие цветы! Какая красота! Какие...

– Да, – отозвался Ангель.

Выехав на пыльную дорогу, он поддал газу. Поднявшееся за машиной облако сразу же опустилось на губчатую траву, к которой Жакмор уже успел привыкнуть.

На обочине стояла коза и голосовала рогами. Ангель затормозил.

– Залезай, – сказал он животному.

Коза запрыгнула в машину и устроилась в кузове.

– Они все катаются автостопом, – пояснил Ангель. – А так как мне совсем незачем ссориться с крестьянами...

Свою фразу он так и не закончил.

– Понятно, – ответил Жакмор.

Чуть дальше они выбрали свинью. Перед самой деревней животные соскочили с машины и побежали к своим фермам.

– Когда они ведут себя спокойно, – добавил Ангель, – им разрешают гулять. А если нет, то их наказывают. Бьют. Или запирают. А то и съедают без суда и следствия.

– А-а-а... – протянул оторопевший Жакмор.

Ангель остановился у столярной мастерской. Они вышли из машины. В маленькой прихожей стоял длинный ящик, в котором лежало едва прикрытое старой мешковиной худое и бледное тело подмастерья, обрабатывавшего накануне дубовую балку.

– Есть кто живой? – крикнул Ангель и постучал по столу.

Появился столяр. Как и вчера, из мастерской доносился стук. Не иначе как очередной подмастерье. Хозяин вытер нос рукавом.

– За кроватями приехал? – спросил он Ангеля.

– Да, – ответил тот.

– Ну, забирай, вон они, – сказал хозяин и махнул рукой в сторону лестницы.

– Помоги мне, – попросил Ангель.

Они скрылись за дверью. Жакмор отогнал жирную жужжащую муху, которая кружила над мертвенно-бледным лицом ребенка.

Ангель с хозяином погрузили разобранные на секции кроватки в машину.

– И этого с собой захвати, – сказал столяр, показывая на ящик с подмастерьем.

– Давай, – согласился Ангель. – Грузи.

Столяр поднял ящик и поставил его в кузов. Они тронулись в путь и немного спустя уже ехали вдоль красной речушки. Ангель остановил машину, вышел и выгрузил ящик, который был не очень большим и не очень тяжелым. Он без труда поднял его, донес до берега и бросил в речку. Деревянный гроб сразу же ушел под воду. Увлекаемое медленным течением, мертвое детское тело скользило по водной глади, как по залитой воском скатерти.

Каждый раз, как дорога принималась ухабиться, в кузове сшибались деревянные планки.

XV

31 августа

Комната Жакмора находилась в самом конце отделанного кафелем коридора. Окно выходило на море. Жесткие пряди драконий вились за стеклом в нижней части оконной рамы. Зеленые стебли живописно изгибались на фоне водной глади. В не очень высокой квадратной комнате, полностью обитой лакированной сосной, пахло смолой. Длинные еловые и опять-таки пролакированные перекрытия вырисовывали на потолке скелет слегка скошенной крыши, подпираемой по углам грубо вытесанными кривыми подпорками. Меблировка состояла из низкой кровати лимонного дерева, внушительного письменного стола, обитого красным сафьяном, ему под стать были кресло и сборный шкаф, в зеркале которого отражалось окно. Как и во всем доме, пол был выложен кафелем; здесь он был набран из светло-желтых пористых ромбиков, наполовину спрятанных под толстым шерстяным ковром черного цвета. На стенах не было ничего, ни фотографий, ни картин. Низкая дверь вела в ванную.

Жакмор закончил свой туалет и стал одеваться. Он отказался от профессионального психоаналитического костюма, отдав предпочтение облегающим штанам из мягкой коричневой кожи, пурпурной шелковой рубашке и просторному вельветовому пиджаку как раз под цвет штанов. Он застегнул ремешки пурпурных сандалий и вышел из комнаты. Предстоял поход в деревню и разговор с кюре о воскресном крещении, так что психиатр оделся как подобало: по-простому.

В коридоре он заметил Клементину, направлявшуюся к себе. Первый день, как она встала на ноги и даже совершила прогулку по саду. Закрывая дверь, она махнула ему рукой.

Он спустился вниз. Ангель еще спал. Не дожидаясь завтрака, Жакмор вышел в сад. Листья диких ариол шелестели от прохладного утреннего ветерка. Земля была суха как асбест. Как и вчера, колодезная вода бурлила, а до костей прозрачное небо не сулило дождя. Жакмор вышел на дорогу, ведущую в деревню. Дорогу, которую привычка укорачивала с каждым днем.

Чтобы добраться до церкви, колокольня которой едва возвышалась над соседними домами и фермами, пришлось долго идти вдоль красной речки. Он смотрел на обрызгшую воду и старался не думать о том, что могло скрываться под ее натянутой гладью. При одной мысли об этом его передергивало.

Дорога повернула, речушка тоже. Постройки, тянувшиеся слева от дороги, скрыли от Жакмора запредельную излучину.

Еще пятьдесят метров – и вдаль показалась церковь, а на красной речке – неподвижная лодка с опущенными веслами. За носовой частью, развернутой к Жакмору в три четверти, шевелилась чья-то неясная тень с размытыми контурами. Жакмор из любопытства подошел поближе.

Оказавшись на одном уровне с лодкой, он увидел какого-то человека, который цеплялся за борт, стараясь вылезти из воды. Жемчужные капли багряной воды поблескивая стекали по его одежде, оставляя ее совершенно сухой. Над бортом показалась голова. Лодку раскачивало, бросало из стороны в сторону. Наконец появилось лицо, закинутая рука, нога – человек сделал последнее усилие, – тело перевалилось через борт и плюхнулось на дно лодки. Это был довольно пожилой мужчина с распаханно-морщинистым лицом и голубыми, заоблачными глазами. Он был гладко выбрит, длинные седые волосы придавали ему благородный и вместе с тем простодушный вид, хотя очертания рта выдавали явную горечь. Жакмору так и не удалось определить, что мужчина сжимал в зубах.

– Что с вами? – крикнул психиатр.

Мужчина приподнялся и с трудом сел. Он разжал зубы, выловленный предмет выпал изо рта.

– Что вы говорите? – спросил он.

Мужчина согнулся над веслами; лодка направилась к берегу и вскоре причалила. Тут Жакмор отметил, что дно резко уходило вниз, эдакий вертикальный береговой срез.

– Вам помочь? – предложил Жакмор.

Сидящий в лодке мужчина был одет в какие-то бесформенные лохмотья из мешковины. Услышав вопрос, он удивленно посмотрел на Жакмора и спросил:

– Вы нездешний?

– Нет, – ответил Жакмор.

– Иначе вы бы со мной так не разговаривали, – сказал мужчина, обращаясь скорее к себе самому.

– Вы могли утонуть, – сказал Жакмор.

– Только не в этой воде, – возразил мужчина. – Она постоянно меняется; иногда даже дерево не держит, а бывает, камни остаются на поверхности. Тела же плывут и никогда не тонут.

– А что с вами стряслось? – спросил Жакмор. – Из лодки вывалились?

– Да нет, это моя работа, – ответил мужчина. – В воду бросают разную мертвечину для того, чтобы я ловил ее ртом. За это мне платят.

– Но ведь можно ловить и сетью, – подсказал Жакмор.

Его словно что-то встревожило; странное ощущение, как будто он разговаривал с инопланетянином. Состояние небезызвестное. Вот именно. Вот именно.

– Я должен ловить ртом, – сказал мужчина. – Мертвое или гнилое. Поэтому-то и бросают. Часто оставляют гнить, чтобы потом выбросить. А я должен хватать зубами. Чтобы давилось и растекалось во рту. Чтобы размазывалось по лицу.

– И много вам за это платят? – спросил Жакмор.

– Мне дают лодку, – ответил мужчина, – а платят стыдом и золотом.

При слове «стыд» Жакмор отпрянул и рассердился на себя за это невольное движение. Мужчина заметил это и улыбнулся.

– У меня есть дом. Мне дают еду. Мне дают золото. Много золота. Но я не имею права его тратить. Никто мне ничего не продает. У меня есть дом и много золота, а я должен переваривать стыд всей деревни. Они мне платят за то, чтобы я мучился угрызениями совести вместо них. За все то зло и бесчинство, которое они творят. За все их пороки. За преступления. За ярмарку стариков. За пытки животных. За подмастерьев. И за помои.

Он на секунду замолк.

– Вряд ли все это может вас заинтересовать, – добавил он. – Вы же не собираетесь здесь остаться?

Возникла долгая пауза.

– Собираюсь, – промолвил Жакмор. – Я здесь останусь.

– Тогда вы станете таким же, как и остальные. Точно так же будете жить с чистой совестью и сваливать на меня груз своего стыда. И будете давать мне золото. Но на него ничего мне не продадите.

– Как вас зовут? – спросил Жакмор.

– Слява, – ответил мужчина. – Они зовут меня Слява. По названию лодки. Своего имени у меня больше нет.

– Ну, мы еще увидимся, – сказал Жакмор.

– Вы станете таким же, как они, – продолжал мужчина. – Вы больше не будете со мной разговаривать. Вы будете мне платить. И бросать свою гниль. И свой стыд.

– Но почему вы это делаете? – спросил Жакмор.

Мужчина пожал плечами.

– До меня здесь был другой, – сказал он.

– А почему вы его сменили? – упорствовал психиатр.

– Первый, кому станет стыдно больше, чем мне, займет мое место. В этой деревне всегда так поступали. Они очень верующие. У них – своя мораль. И никаких угрызений. Никогда. Но тот, кто не устоит... Тот, кто взбунтуется...

– Того загонят на Сляву, – заключил Жакмор. – Но вы-то взбунтовались...

– Ну уж! Такое случается нечасто, – возразил мужчина. – Наверное, я буду последним. Моя мать была родом не отсюда.

Он принял исходное положение и взялся за весла.

– Мне нужно работать, – сказал он. – До свидания.

– До свидания, – попрощался Жакмор.

Он посмотрел на ловца, уплывающего по сверкающей глади красной воды, и пошел своей дорогой. Белая церковь – куриное яйцо в птичьем гнезде – была уже совсем близко. Он приблизился к ней, быстро поднялся по лестнице из семи ступенек и вошел внутрь. До разговора с кюре ему хотелось осмотреться.

XVI

Сложное переплетение балок и перекладин поддерживало черное шиферное покрытие яйцевидного нефа. Перед Жакмором возвышался алтарь из темного гранита с культовой утварью зеленого цвета. Между двумя подпорками справа смутно вырисовывался белый силуэт нового массивного амвона с открытыми створками.

Жакмору еще никогда не доводилось бывать в такой хитро выстроенной церкви, яйцевидной формы, без каменных колонн, без арок, без пересекающихся сводов, без консолей, без архитролей-завитролей и мало-мальской заботы о завтрашнем дне. Причудливо скрепленные деревянные панели змеились эдакой геодезической арматурой вдоль мощных стен. Основные панели были покрыты тщательно вылепленными барельефами, глубокими и одноцветными, насколько можно было угадать в полумраке; таинственно блеснули глаза святых, чертей и змей. Внутреннее пространство нефа пустовало. Благодаря овальному витражу над алтарем расплывался ядовитый ультрамарин, кое-как освещавший церковь. По обе стороны от алтаря дрожали огоньки двух лампад, их затухающие нимбы едва рассеивали церковные сумерки.

Толстая соломенная подстилка покрывала пол перед входом в алтарь. Жакмор прошел вперед. Его глаза уже привыкли к темноте; справа, за алтарем, он различил серый проем открытой двери и направился к ней, решив, что там находятся ризница и покои кюре.

Он открыл дверь и попал в маленькую вытянутую комнату, заполненную шкафами и еще бог знает чем. В глубине таилась еще одна дверь. Из-за нее доносился чей-то шепот. Жакмор трижды постучал по деревянной стене.

– Можно войти? – спросил он вполголоса.

Разговор за дверью стих.

– Войдите, – услышал Жакмор.

Он принял приглашение и открыл вторую дверь. Кюре беседовал с ризничим. При виде Жакмора они встали.

– Здравствуйте, – сказал вошедший. – Господин кюре, не так ли?

– Здравствуйте, – ответил кюре.

Это был жилистый мужчина, в складках лица чернели две глазные ягодки и приросшие к ним сверху густые мохнатые брови. Говорил он, скрещивая худые длинные руки, а передвигался, как заметил Жакмор, слегка прихрамывая.

– Я бы хотел с вами поговорить, – начал Жакмор.

– Говорите, – ответил кюре.

– Я по поводу крещения, – пояснил Жакмор. – Вы смогли бы в воскресенье?

– Это моя работа, – сказал кюре. – У каждого – своя.

– В доме на скале родились тройняшки, – продолжал Жакмор. – Жоэль, Ноэль и Ситроэн.

Их надо крестить не позже воскресенья.

– Приходите на воскресную мессу, – сказал кюре. – Там я назначу вам время.

– Но я никогда не хожу на мессы, – возразил Жакмор.

– Тем более, – нашелся кюре. – Для разнообразия. Развлечетесь. Хотя кому-то покажется оригинальным то, что я говорю.

– Я – против религии, – сказал Жакмор. – Хотя и признаю, что она может быть полезной в деревенских условиях.

Кюре усмехнулся.

– Полезной!.. Религия – роскошь, – сказал он. – А эти скоты хотят извлечь из нее какую-то пользу.

Он гордо выпрямился и принялся мерить комнату хромыми нервными шагами.

– Но я не допущу! – прикрикнул он. – Моя религия останется роскошью!

– Я хотел подчеркнуть, – поспешил объяснить Жакмор, – что именно в деревне слово кюре может оказаться очень значимым. Направлять грубые крестьянские умы, указывать им на совершаемые ошибки, открывать им глаза на опасность мирских соблазнов, сдерживать и умирять их низменные инстинкты... Не знаю, вы в курсе того, что происходит в этой деревне?.. Я... гм... я приехал недавно и не хотел бы ни выступать в качестве судьи, ни шокировать вас своей реакцией на то, что вам наверняка кажется естественным, поскольку существует уже столько времени... ну... кюре мог бы, например, с амвона клеймить воровство и осуждать чересчур поспешные половые связи молодых прихожан, стараясь не допустить, чтобы разврат и сладострастие завладели его округом.

– Приходом, – поправил его ризничий.

– Приходом, – оторопело повторил Жакмор. – На чем я остановился?

– Не могу знать, – оборвал кюре.

– Ладно, а эта ярмарка стариков, – наконец решился Жакмор, – это просто безумие!

– Вы в каком веке живете?! – воскликнул кюре. – Ярмарка стариков? Какое мне дело до ярмарки стариков, позвольте вас спросить? Эти люди страдают... Страждущие на земле да обретут часть Царства Небесного. Сами по себе страдания не бесполезны, но меня в принципе не устраивают причины этого страдания. Меня коробит оттого, что они страдают не побожески. Это просто скоты. Я ведь вам уже говорил. Для них религия – средство. Скотский материализм...

Он постепенно оживлялся, в маленьких глазках то и дело сверкали гневные молнии.

– Они вступают в храм победителями. Тоже мне, сыны Христовы, агнцы Божьи. А знаете, что они у меня просят? Чтобы хорошо рос святокос. На благодать им наплевать! Она у них уже есть! У них есть Слява! Я буду бороться до конца, но не отступлюсь! Я не буду взращивать их святокос! Слава Богу, у меня еще остались верные друзья. Их мало, но они меня поддержат. – Он усмехнулся. – Приходите в воскресенье и увидите... Увидите, как плоть плотью вышибают. Я заставлю этих скотов взглянуть на самих себя со стороны. Их пассивность столкнется с еще большей пассивностью... И от высеченной искры возгорится тревожное пламя, которое обратит их в лоно Церкви... роскоши!.. Той роскоши, право на которую даровано им всемилостивым Господом.

– А что же с крещением? – напомнил Жакмор. – В воскресенье после обеда?

– После мессы я уточню время, – повторил кюре.

– Хорошо, – сказал Жакмор. – До свидания, господин кюре. Я восхищен вашей церковью. Любопытная конструкция.

– Любопытная, – согласился кюре. И опустил на стул с отсутствующим видом.

Жакмор вышел через уже знакомую дверь. Он чувствовал себя немного утомленным.

«Ох уж эта Клементина... с ее изнурительными поручениями, – думал он вслух. – Скорей бы тройня подросла. А еще эта история с принудительной мессой...»

Наступал вечер.

«Принудительная месса – это просто возмутительно!»

– Возмутительно, – подтвердил большой черный кот, сидевший на стене. Жакмор посмотрел на животное. Кот заурчал, вертикальные черточки раскололи пополам желтые глаза.

– Возмутительно! – подытожил Жакмор, срывая на ходу какой-то знак, мягкий, круглый, цилиндрический. Сделав несколько шагов, он обернулся. Посмотрел на кота, призадумался и снова пустился в путь.

XVII

2 сентября, воскресенье

Готовый к выходу, Жакмор слонялся по коридору. Он снова облачился в официальные одежды и чувствовал себя несколько стесненно, словно актер в костюме посреди пустой сцены. Наконец вышла служанка.

– Долго же вы, – сказал Жакмор.

– Это шток красивой быть, – оправдалась она.

На ней простоватилось выходное платье из пикейной ткани белого цвета, его дополняли черные туфли, черная шляпа и белые фьезелевые перчатки. В руках она теребила требник в затертом кожаном переплете. Кожа на лице лоснилась, алели безвкусно покрашенные губы. Тяжелые груди натягивали корсаж, грубо, но крепко сбитые ягодицы убедительно наполняли оставшуюся часть платья.

– Пойдем, – позвал Жакмор.

Они вышли вместе. Она казалась оробевшей и из уважения к Жакмору старалась дышать как можно тише.

– Итак, – спросил он метров через сто, – когда же я вас пропсихоанализирую?

Она покраснела и бросила на него взгляд исподлобья. Они как раз проходили около плотной изгороди.

– Сейчас никак нельзя, скоро месса... – сказала она с надеждой в голосе.

Психиатр понял, о чем она подумала; он почувствовал, как встопорчилась его рыжая борода, и решительно повел девушку к изгороди за обочиной. Они юркнули в узкий тернистый лаз, – колючий кустарник расхвостил красивый жакморовский костюм, – и выбрались на огороженную со всех сторон поляну.

Служанка осторожно сняла черную шляпу.

– Не спортить бы ее ненароком, – сказала она. – Ой, гляньте, да ведь я вся зеленая буду, ежели мы прямо здесь, на траве...

– А вы встаньте на четвереньки, – предложил Жакмор.

– Само собой, – ответила она с таким видом, как будто считала эту позу единственно возможной.

Психиатр трудился над ней не покладая рук, поглядывая временами, как вздрагивает и обмякает короткая девичья шея. Из небрежно уложенных волос выбилось несколько светлых прядей, волнующихся на ветру. От служанки сильно пахло, но Жакмор за все время проживания в доме на скале еще ни разу не практиковался, да и этот немного животный запах не был ему неприятен. Из чисто человеческих – вполне понятных – побуждений он позаботился о том, чтобы не сделать ей ребенка.

Они подошли к церкви минут через десять после начала службы. Судя по количеству стоящих у входа машин и телег, овальный неф был наверняка заполнен до отказа. Перед тем как подняться по ступенькам, Жакмор взглянул на еще красное и немного смущенное лицо девушки.

– Вечером-то приходить? – прошептала она.

– Да, – ответил он. – Расскажешь мне о своей жизни.

Она уставилась на него, убедилась, что он не шутит, и растерянно кивнула, так ничего и не поняв. Они вошли и сразу же смешались с густой толпой разодевшихся прихожан. В толчее Жакмора прижало к девушке, ее животный запах снова ударил ему в нос. У нее под мышками проступали круги пота.

Кюре заканчивал преамбулу и готовился к восхождению на амвон. Прихожане изнывали от духоты: еще чуть-чуть – и душа вон. Женщины расстегивали корсажи, но мужчины остава-

лись в наглухо задраенных черных тужурках с косыми воротниками. Жакмор оглядел окружающие его лица: живые, волевые, дубленные ветрами и солнцем, и все – с выражением непоколебимой уверенности... Кюре поднялся по лесенке на белый амвон с открытыми створками. Станный все-таки амвон. Жакмор вспомнил столяра, маленького подмастерья, и по его коже прошел озноб. При мысли о подмастерье запах служанки стал противным до омерзения.

В тот момент, когда кюре появился между двумя стояками из белого дуба, какой-то мужчина вскочил на скамью и громким голосом потребовал тишины. Гул толпы спал. В нефе воцарилась настороженная тишина. Взгляд Жакмора скользил по голубому витражу над алтарем, цеплялся за бесчисленные мерцающие огоньки, освещающие нагромождение переплетенных тел, вылепленных на несущей конструкции свода.

– Кюре, дождя! – произнес мужчина.

Толпа подхватила в один голос:

– Дождя!

– Святокос сух! – продолжал мужчина.

– Дождя! – взревела толпа.

Оглушенный Жакмор увидел, как священник простер вперед руки, прося слова. Ропот стих. Утреннее солнце жарило что есть мочи по витражу. Дышалось невероятно трудно.

– Жители деревни! – изрек кюре.

Его громоподобный голос, казалось, шел отовсюду; Жакмор догадался, что все дело в системе ловко скрытых динамиков. Головы прихожан завертелись в разные стороны.

– Жители деревни! – повторил кюре. – Вы просите у меня дождя, так вот, вы его вообще не получите. Сегодня вы пришли в церковь, раздуваясь от чванства и высокомерия, как куры-леггорны, распухая от удовлетворения и успокоенности плотской жизнью вашей. Вы пришли как назойливые попрошайки, требуя то, чего вы совершенно не заслуживаете. Дождя не будет. Богу до вашего святокоса как до лампочки! Согните тела ваши, склоните головы ваши, ущемите души ваши – и я окроплю вас словом Божиим. А на дождь не рассчитывайте! Вы не получите ни капли! Здесь храм, а не дождевальня!

Толпа начала роптать. Жакмор решил, что кюре выступил хорошо.

– Дождя! – повторил мужчина, стоящий на скамье.

После звуковой бури, поднятой кюре, голос мужчины показался смехотворно слабым, и присутствующие, признавая временное превосходство противника, замолчали.

– Вы еще утверждаете, что верите в Бога! – прогремел голос кюре. – Только потому, что вы ходите по воскресеньям в церковь, жестоко относитесь к своему ближнему, стыда не ведаете и угрызениями совести не страдаете...

При слове «стыд» со всех сторон раздались протестующие крики, отражаясь от стен и усиливаясь, звуки сложились в единый вопль возмущения. Мужчины сжимали кулаки и топали ногами. Молчаливые женщины кривили рты и злобно смотрели на кюре. Жакмор растерянно переминался с ноги на ногу. Рев прекратился, кюре воспользовался наступившей тишиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.